

УДК 398.3(470.341)

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-2-129-155

Обетные праздники в Нижегородском Правобережье

Антон Н. Каракулов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Anton-1088@mail.ru*

Аннотация. К обетным относятся праздники, которые устанавливаются сельской общиной по обету. Они являются одной из форм народного обета – обязательства, которое берет на себя человек или община для избавления от различных бедствий: мора скотины, засухи, градобития и др. В рамках календарного цикла обетные праздники также выступают в качестве одной из разновидностей локально приуроченных, или местных, праздников. Настоящая статья посвящена изучению традиции установления обетных праздников в Нижегородском Правобережье – на территориях Нижегородской области, расположенных ниже течения рек Оки и Волги. Работа основана на полевых материалах из фольклорного архива Фольклорного центра ННГУ им. Н.И. Лобачевского, а также на сведениях об обетных праздниках, содержащихся в дореволюционных публикациях в «Нижегородских епархиальных ведомостях». Данные материалы отражают состояние изучаемой традиции во второй половине XIX–XX в. В статье исследуется терминология обетных праздников, выявляются причины, из-за которых происходило установление обетных праздников (гибель посевов, падеж скота, пожары и др.), определяются особенности их отнесения к конкретным календарным датам, а также пространственные и временные характеристики обетных праздников. Анализируются варианты структурной организации обетных крестных ходов с молебном, которые образуют основное содержание обетных праздников. В конце работы рассматривается, как в Нижегородском Правобережье во второй половине XX в. происходила трансформация обетных праздников в престольные.

Ключевые слова: народный обет, местные праздники, обетные праздники, оброчные дни, крестный ход

Дата поступления статьи: 20 сентября 2023 г.

Дата одобрения рецензентами: 11 апреля 2024 г.

Дата публикации: 26 июня 2025 г.

Для цитирования: Каракулов А.Н. Обетные праздники в Нижегородском Правобережье // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 2. С. 129–155. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-2-129-155

Votive holidays in the Nizhny Novgorod Pravoberezhye

Anton N. Karakulov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, Anton-1088@mail.ru*

Abstract. Votive holidays include holidays that are established by the rural community according to a vow. They are a form of a folk vow, a commitment that a person or community undertakes to get rid of various disasters: cattle plague, droughts, hail storms, etc. Within the framework of the calendar cycle, votive holidays also act as one of the varieties of locally timed, or local holidays. This article is devoted to the study of the tradition of establishing votive holidays in the Nizhny Novgorod Pravoberezhye – in the territories of the Nizhny Novgorod region located below the Oka and Volga rivers. The work is based on field materials from the folklore archive of Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, as well as information about votive holidays contained in pre-revolutionary publications in the “Nizhny Novgorod Diocesan Gazette”. These materials reflect the state of the studied tradition in the second half of the 19th – 20th c. In the article, we explore the terminology of votive holidays. We identify the reasons for the establishment of votive holidays (loss of crops, livestock deaths, fires, etc.). We determine the specifics of their assignment to specific calendar dates, as well as the spatial and temporal characteristics of votive holidays. We analyze the variants of the structural organization of votive processions with a prayer service, which form the main content of votive holidays. At the end of the work, we consider how in the Nizhny Novgorod Pravoberezhye in the second half of the 20th c. the transformation of votive holidays into patronal holidays.

Keywords: people vow, local holidays, votive holidays, quitrent days, religious procession

Received: September 20, 2023

Approved after reviewing: April 11, 2024

Date of publication: June 26, 2025

For citation: Karakulov, A.N. (2025), "Votive holidays in the Nizhny Novgorod Pravoberezhye", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 2, pp. 129–155, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-2-129-155

Обетными называются праздники, устанавливаемые сельской общиной по обету, или завету. Они представляют собой один из видов народного обета, определяемого как «обязательство, добровольно налагаемое на себя человеком или общиной ради избавления от мора, болезней, неурожая, стихийных бедствий и. т. п.»¹. В народном календаре обетные праздники также являются одним из видов локально отмечавшихся, или местных праздников [Васильев 2004, с. 13].

Обетные праздники как вид обетной практики изучали И.А. Кремлева [Кремлева 1994; Кремлева 2001; Кремлева 2010; Кремлева 2011]; А.А. Панченко [Панченко 1998, с. 70–115]; С.Б. Адоньева [Адоньева 2020]. Отличительные черты обетных праздников как местных праздников рассматривали Т.А. Бернштам [Бернштам 1988, с. 216; Бернштам 2005, с. 277–278]; Л.А. Тульцева [Тульцева 2001, с. 133–134]; Н.С. Полищук [Полищук 1999, с. 608–611]; М.И. Васильев [Васильев 2004, с. 15–16]. В ряде работ изучались особенности обетных праздников нескольких локальных традиций: Северного Белозерья²; Волотовского района Новгородской области [Васильев 2001]; русского населения Пермского Прикамья [Черных 2015] и др. Сведения об обетных праздниках из ряда населенных пунктов Нижегородской области приводятся в статьях О.В. Гальцевой. В своих работах она использовала эти материалы для изучения местных праздников как системы сакральной коммуникации [Гальцева 2021б] и как элемента культурной памяти русского и финно-угорского населения Нижегородской области [Гальцева 2021а].

Обетные праздники Нижегородского Поволжья никогда раньше не становились предметом специального изучения. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел.

¹ Белова О.В. Обет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. С. 446.

² Морозов И.А. Престольные и заветные праздники // Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь / И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.Б. Островский, С.Н. Смольников, Е.А. Минюхина. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1997. С. 310–318.

Территория современной Нижегородской области географически и исторически делится на две примерно равные части: низменное Левобережье (Заволжье) и возвышенное Правобережье. Естественной границей между ними являются реки Ока и Волга. Фольклорная традиция этих двух регионов также различается: Заволжье по большей части тяготеет к севернорусской традиции, а Правобережье – к центральной и южнорусской. Эта закономерность была прослежена исследователями нижегородского фольклора на материале нижегородских календарных обрядов [Корепова 2009], нижегородской свадьбы [Корепова 2019] и нижегородской мифологической традиции³.

Настоящая работа посвящена изучению и определению особенностей обетных праздников на территориях Нижегородской области, расположенных ниже течения рек Оки и Волги, то есть в Нижегородском Правобережье.

В статье анализируются названия обетных праздников, причины их установления, логика их календарной приуроченности, продолжительность и локализация празднования. Исследуются содержательные элементы обетных праздников: прежде всего, разновидности структуры обетных крестных ходов с молебном. Кроме того, в работе изучается процесс перехода обетных праздников в разряд престольных, происходивший в Нижегородском Правобережье во второй половине XX в.

Выбор в пользу изучения обетных праздников в Правобережье обусловлен, прежде всего, наличием материала. Если по обетным праздникам в Заволжье мы не обладаем достаточным для исследования количеством полевых и опубликованных источников, то с Нижегородским Правобережьем ситуация обстоит значительно лучше.

Материалами для работы служат, во-первых, интервью об обетных праздниках из фольклорного архива Фольклорного центра ННГУ им. Н.И. Лобачевского, записанные в ходе фольклорных экспедиций в Сосновский (2007 г.) и Богородский (2009 г.) районы Нижегородской области⁴ при активном участии автора статьи, а также интервью автора об обетном празднике из с. Сарминский Майдан⁵ Вознесенского района⁶, записанные в рамках фольк-

³ Мифологические рассказы и поверья Нижегородского Поволжья / сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. СПб.: Тропа Троянова, 2007. 496 с.

⁴ Сосновский и Богородский районы расположены юго-западнее Нижнего Новгорода – в Нижегородском Поочье.

⁵ Местное название Сар-Майдан.

⁶ Вознесенский район находится на юго-западе Нижегородской области.

лорной экспедиции ННГУ в Дивеевский район Нижегородской области в 2009 г.⁷

Во-вторых, в качестве материала были использованы сведения об обетных праздниках из 12 исторических очерков и статей «Нижегородских епархиальных ведомостей» (НЕВ)⁸, опубликованных в 1890–1898 гг.⁹ Автором десяти из них был преподаватель Нижегородской духовной семинарии Аполлон Федорович Можаровский (1841–1900)¹⁰. Его очерки посвящены истории образования приходов Нижегородской епархии в Сергачском и Васильсурском (Васильском) уездах Нижегородской губернии – на современном юго-востоке Нижегородской области. Еще два очерка принадлежат помощнику инспектора Нижегородской духовной семинарии Алексею Ивановичу Тихову¹¹. В них он дает описание приходов с. Безводного и с. Большое Терюшево Нижегородского уезда – центральной части современной Нижегородской области.

⁷ Впервые обетный праздник в с. Сарминский Майдан был обнаружен в ходе фольклорной экспедиции ННГУ в Вознесенский район Нижегородской области в 1999 г. Информация о нем была опубликована в сборнике: Местные святыни в нижегородской устной народной традиции: родники, часовни при них / сост. М.М. Белякова, А.О. Дюкова, Е.С. Курзина, К.Е. Корепова, Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород: Растр-НН, 2003. 106 с. (№ 61).

⁸ Цитаты из «Нижегородских епархиальных ведомостей» даются в современной орфографии. Пунктуация оригинала сохраняется.

⁹ Фольклорно-этнографические материалы на страницах периодического издания «Нижегородские епархиальные ведомости» (1864–1905): указатель материалов / сост. П.В. Федосеева, Ю.М. Шеваренкова; вступ. статья П.В. Федосеевой, Ю.М. Шеваренковой. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013. 120 с.

¹⁰ О жизненном и творческом пути Аполлона Федоровича Можаровского см.: [Галай 2001]; а также: *Федосеева П.В., Шеваренкова Ю.М.* Газета «Нижегородские епархиальные ведомости» (1864–1905): Фольклорно-этнографические материалы на страницах газеты // Фольклорно-этнографические материалы на страницах периодического издания «Нижегородские епархиальные ведомости» (1864–1905): указатель материалов. С. 22–26; *Корепова К.Е.* Можаровский Аполлон Федорович // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь: XVIII–XIX вв.: В 5 т. / под ред. Т.Г. Ивановой. Т. 3: Краинский – О. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. С. 615–618.

¹¹ См. о нем: *Иванова Т.Г.* Тихов Алексей Иванович // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь: XVIII–XIX вв.: В 5 т. / под ред. Т.Г. Ивановой. Т. 5: Спасская – Я. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. С. 239–240.

Используемые материалы представляют традицию установления обетных праздников в Нижегородском Правобережье на протяжении второй половины XIX–XX в.

Терминология обетных праздников

Обетные праздники в Нижегородском Правобережье обозначались термином *оброчный (оброшный) день* (от глагола «*обре-каться*»):

Называли оброк. Уж обреклись. Называли оброчный день (инф. 1).

В с. Сарминский Майдан Вознесенского района употреблялось определение *зарошный* (от – «*зарекаться*»):

Двенадцатого июля вот Петров день, а Зарошный – тринадцатого. И вот тринадцатого, в этот день, зарекались работать – не работали (инф. 2).

Кроме общеизвестного наименования *оброшный день*, в д. Стечино Сосновского района¹² обетный праздник имел и специфическое «церковное» название «Молейн» (от «*молебствовать*», *устраивать молебен* (для избавления от беды)):

Был Молейн. Двадцать пятого июля был (инф. 3).

В Богородском районе жители деревень, установившие обетный праздник (или участвовавшие в крестном ходе в этот день), также именовали себя *оброчниками*:

Молятся. Вот топерича вот оброчники были: вот мы и ходили к колодцу-то к этому, каждый год ходили. А сейчас не собираются: не собирались в этом году. Все. Вся деревня оброчники. Все оброчники (инф. 4).

¹² Впервые обетный праздник в Сосновском районе был обнаружен в ходе фольклорной экспедиции в Павловский и Сосновский районы Нижегородской области в 1997 г. См. о нем: *Каракулов А.Н.* Обетный день в Сосновском районе // *Фольклор Сосновского района Нижегородской области* / сост. А.Н. Каракулов, И.А. Фалькова, К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород: Растр-НН, 2013. С. 116–118.

Как отмечает И.А. Кремлева, определения «оброк», «зарок» являются более употребительными для центральных и южных российских областей [Кремлева 2011, с. 125], что сближает традицию установления обетных праздников в Нижегородском Правобережье с традициями данных регионов. И напротив, эта терминология не встречается в Заволжье, где обетные праздники имеют другие названия – «обещанный праздник»¹³, «заповедный <праздник>»¹⁴, которые, в свою очередь, не фиксировались в Правобережье¹⁵. Исторически эти названия оказываются связанными с севернорусской традицией. Термин «обещанный праздник» фиксируется, например, в материалах из Вологодского уезда Вологодской губернии [Кремлева 2011, с. 133], а также у русского населения Пермского Прикамья [Черных 2015, с. 133–145]; определение «заповедный праздник» также встречается в записях из Вологодской области – в Череповецком районе¹⁶.

Таким образом, можно предположить, что эта терминология обетных праздников представляет один из способов различения фольклорных традиций Нижегородского Правобережья и Заволжья.

¹³ «А это Староустье как-то горело. Давно очень. И, видимо, несколько раз горело. И сжигалось много домов. А ведь дома-то строить и раньше было очень тяжело. <...> И в общем уже второй или третий раз выгорало Староустье... И дали вот этот день праздновать... Обещанный назывался. Это праздник Положения риз. Но, понимаете, его не считали как Положение риз... А обещанный всю жизнь называли. А двадцать третье скоро: обещанный праздник» (Гудожникова Н.П., 1924 г. р., с. Староустье Воскресенского р-на. ФАП_А088. Зап. А.Н. Каракулов, Е.С. Сорокина, В.С. Евсева, Е.С. Шабалина, 2017 г.).

¹⁴ «И в Ильин день больно была гроза большая, и много больно хлеба сторело, несколько десятков. И сделали его заповедным» (Круглова Н.М., 1932 г. р., д. Зубово Краснобаковского р-на (родом из с. Носовая Краснобаковского р-на). ФА ННГУ: 24-D060. Зап. А.А. Олькова, М.К. Белоусова. 2011 г.).

¹⁵ Нам известен лишь один пример фиксации термина «обещанный праздник» в Правобережье. Это название употребляет О.В. Гальцева, говоря об обетном празднике в с. Владимировка Кстовского района [Гальцева 2021б, с. 374]. Как мы думаем, наличие этого термина в зоне распространения определения «оброчный день» требует дополнительного изучения.

¹⁶ Народные традиции Череповецкого района в записях 1999 г.: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / сост. А.В. Кулев, С.Р. Балакшина. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2000. С. 17.

Кроме того, в материалах корреспондентов Тенишевского бюро из правобережной части Макарьевского и Васильсурского уездов Нижегородской губернии (современный Воротынский район) имеется термин «заказные праздники», обозначающий, по всей видимости, все устанавливаемые крестьянами нерабочие дни, в том числе обетные праздники¹⁷. В современных записях из Заволжья (Ковернинский район) также встречается это название. Здесь оно обозначает праздник из православного календаря, выби-раемый сельской общиной в качестве нерабочего дня в надежде на заступничество того православного святого или иконы, которым он посвящается¹⁸.

Причины установления обетных праздников

Основные причины установления обетных праздников сельской общиной были связаны с хозяйственной деятельностью. Здесь можно выделить несколько групп причин.

Первая группа связана с гибелью посевов. Так, в с. Сарминский Майдан Вознесенского района жители зареклись от «саранчи»:

Раньше на хлеб напала саранча. Все кишки – это, все эти колосья, погрызали. Эта саранча. И вот выходили священники на поля: кропили, читали, молебен служили. И эта саранча поднялась в небо – и улете-ла. Вот. И православные сказали: «Этот день работать не будем!» Вот поэтому назвали его «Зарошный» (инф. 5).

По другой версии, хлеб в Сар-Майдане сожгло пожаром от молнии:

Зарошный: вот я тебе расскажу. Вот один рожь жал, копны сложил, так. Случилася туча, гром и молоньей зажгло эту... И он зарёкся, этот человек. Вот он зарёкся: «Я, – говорит, – на этот день больше работать не буду»¹⁹. Вот тут весь народ наш христианской стали праздновать этому зарошному дню (инф. 6).

¹⁷ Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 4: Нижегородская область. СПб.: Навигатор, 2006. С. 24, 55, 272–273, 279.

¹⁸ Фольклор Ковернинского района Нижегородской области. Ч. 1 / сост. К.Е. Корепова, Н.Б. Храмова, Ю.М. Шеваренкова. Н. Новгород: Дятловы горы, 2014. 400 с. (№ 631–632).

¹⁹ Полагаем, что приведенный текст является не сообщением о реально имевшем место обете, а фольклорным нарративом (близким к легенде)

Хлебные посевы могли пострадать от градобития. Так, в очерке «Село Богородское и Кузьминка Сергачского уезда, Нижегородской епархии»²⁰ А.Ф. Можаровский отмечал:

Из нарочитых крестных ходов в приходе существует ход 24 июня в день Рождества Иоанна Крестителя, установленный во избавление от градобития полей²¹.

Другой «метеорологической» причиной установления обетного праздника была засуха. В д. Ключищи Богородского района *оброчники* ежегодно проводили молебен, установленный в память избавления от засухи:

Молились старые люди, старухи. Давали оброк: например, дождя нет долго – вот, молились <в Петров день>, чтобы дождик был (инф. 7).

Следующая группа – обеты в связи с падежом скота. В д. Стечкино Сосновского района жители так рассказывали о своем обетном празднике:

Баушка, это баушка мне говорила, свекровь покойна. Был оброшный день. Это никакой не праздник! А было такое время: какая-то чума была – и падала вся скотина и передохла вся, говорит, скотина. И тогда вот собрали в этот день молебен. Молились (со всей тут, со всей округи). И вот, видимо, был такой оброшный день – и всё это прошла эта, значит, этот падеж прошёл. И с тех пор начали праздник праздновать вот этот Молейн (инф. 3)²².

о принятии индивидуального обета. Информант использует этот текст как объяснение причины установления *зарошного дня* (как своеобразное «доказательство по аналогии»). В тексте реализован нормативный способ реакции на бедствие – обращение к обетной практике. Жители Сар-Майдана, по сообщению информанта, также установили обетный праздник: «Вот тут весь народ наш христианской стали праздновать этому зарошному дню». Исходя из логики сообщения, изложенного информантом, сделать это они должны были, оказавшись в схожей ситуации (бедствии) – искомой причине установления *зарошного дня*.

²⁰ Можаровский А.Ф. Село Богородское и Кузьминка Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1893. № 7. С. 186.

²¹ См. также: «Существуют и определенные крестные ходы из года в год в Лисей Поляне в Неделю Всех Святых и в Ощерихе 23 июня, установленные во избавление от градобития полей» (Можаровский А.Ф. Приход села Столбищ и выделившийся из него Ожгибовской Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1893. № 5. С. 133).

²² Другой причиной установления обетного праздника в Стечкино называется гибель посевов от насекомых: «Налетели на хлеб какие-то

По той же причине в 1885 г. 30 июля (12 августа) в честь святых апостолов Силы и Силуана был установлен обетный праздник в приходе с. Панова-Осанова Сергачского уезда Нижегородской епархии²³.

Еще одна группа – обет от пожаров:

Это вот было в оброчный день: Илья у нас <престольный праздник>. И его обрелись стары-престары люди, потому что часто горели вот Ключищи, Макариха, Пospelиха, Крутиха, Новинки и Хвощёвка (инф. 9, д. Макариха Богородского р-на).

Отметим также обеты, данные для избавления от различных болезней. В очерке «Приход села Покрова Сергачского уезда Нижегородской епархии» А.Ф. Можаровского читаем:

Так в холерный 1853 год, когда болезнь эта посетила приходскую деревню Хоненевку, обыватели оной установили навсегда совершать в деревню крестный ход 16 августа и служить в каждом доме молебен пред Нерукотворным Спасовым образом. В 1866 году в деревню Исупове открылась большая смертность на детей до 12-летнего возраста. – Исуповцы дали обет брать из церкви св. иконы в деревню ежегодно 22 октября и служить по домам молебны Казанской Божией Матери²⁴.

Еще одна причина – отмена местночтимого праздника. А.В. Черных пишет: «Одной из причин появления особого, обетного, статуса праздника становилась отмена местночтимого праздника, приходящегося на период хозяйственных работ. Следующее после такой отмены стихийное бедствие считалось Божьим наказанием, поэтому местное сообщество принимало решение возобновить почитание праздника. В этом случае сам праздник возобновляется уже в новом статусе – обетного» [Черных 2015, с. 151].

Так, А.Ф. Можаровский в очерке «Русско-мордовско-татарский приход села Еделева Сергачского уезда» писал:

кумары, мухи – всё поели. И вот оброшенный день делали. И его праздновали, а топерь не празднуют» (инф. 8).

²³ *Можаровский А.Ф.* Приход села Панова-Осанова Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1891. № 14. С. 460.

²⁴ *Можаровский А.Ф.* Приход села Покрова Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1892. № 22. С. 798–799.

До 1853 года Еделеуцы не праздновали даже дня главного храмового престольного праздника – Успения Божией Матери, так как в это время бывает усиленная страда. Но вот летом 1853 года в Еделеуском приходе появилась холера и в короткое время от нея умерло 28 человек; тогда Еделеуцы дали обет – праздновать свой престольный праздник – Успение Божией Матери по храмовому с обнесением храмовой иконы по домам прихожан для служения молебнов, что и исполняется и по настоящее время²⁵.

Особо скажем об одной «исторической» причине обета. В с. Покров Сергачского уезда крестьяне установили обетный праздник в память избавления от крепостного права:

В 1878 году Покровские крестьяне дали обет вечно служить по домам молебны 28 октября в день великомученицы Параскевы в память того, что помещица Параскева Лаврова отпустила их со всеми угождениями, ещё до уничтожения крепостного права, на волю²⁶.

Причины установления обетных праздников в Нижегородском Правобережье в целом совпадали с общерусской традицией [Полищук 1999, с. 608].

Редким исключением была «ситуация с отменой престольного праздника и затем установление его в качестве обетного» [Черных 2015, с. 151–152], а также установление обетного праздника в честь избавления от крепостного права.

Логика календарной приуроченности обетных праздников

Причины обращения сельской общины к обетной практике, как мы уже говорили, были в основном связаны с хозяйственной деятельностью, поэтому закономерной оказалась приуроченность большинства обетных праздников к весенне-летнему циклу – самому значимому периоду года в жизни крестьян:

Религиозность прихожан проявляется в частых молебствиях (с 23 апреля и по 4 сентября бывает в приходе 8 и более обществен-

²⁵ Можаровский А.Ф. Русско-мордовско-татарский приход села Еделеува Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1891. № 15. С. 504–505.

²⁶ Можаровский А.Ф. Приход села Покрова Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1892. № 22. С. 799.

ных молебствий), которые установлены в память многих несчастий, постигших село, а именно: градобития, пожаров и т. под. ...²⁷

Кроме этого, существовали и другие основания для отнесения обетных праздников к тем или иным календарным датам. Обетный праздник мог совпадать с престольным праздником. В д. Макариха Богородского района это произошло из-за того, что жители решили установить обетный праздник в честь святого пророка Илии, т. е. в Ильин день, который одновременно являлся и их престольным праздником (инф. 9)²⁸.

В с. Еделево Сергачского уезда престольный праздник Успения Пресвятой Богородицы (28 августа) после его отмены и случившейся вслед за этим эпидемии холеры вновь стали отмечать, но уже как обетный²⁹.

Обетный праздник мог быть установлен в день памяти святого, помогшего крестьянам справиться с бедствием³⁰:

Кроме храмового праздника Вознесения Господня Ачкинцы празднуют еще с давнего времени по храмовой главе день великомученицы Параскевы 28 октября, к которой Ачкинцы усердно прибегли, яко скорой помощнице, отвратить належащее на них прещение Божее (падеж скота), и Господь заступлением Великомученицы помиловал их: падеж прекратился 28 октября – в день, который Церковь празднует великомученице Параскеве³¹.

День памяти великомученицы Параскевы (10 ноября), как мы видим, был выбран ачкинцами как обетный (и дополнительный

²⁷ Тихов А. Приход села Безводного Нижегородского уезда // НЕВ. 1894. № 22. С. 700.

²⁸ Особенность устанавливать обетный праздник в день святого, которому посвящен престольный праздник в данной местности, из-за чего они совпадали, отмечала И.А. Кремлева [Кремлева 2001, с. 235–236].

²⁹ Можаровский А.Ф. Русско-мордовско-татарский приход села Еделева Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1891. № 15. С. 504–505.

³⁰ См. также: «<Лещевцы> часто служат общественные молебствия и радостно участвуют в крестных ходах в день Вознесения, Петра и Павла и в Смоленскую (28 июля. Последний ход установлен по случаю прекращения падежа на скот заступничеством Одигитрии)» (Можаровский А.Ф. Приход села Лещевки Васильского уезда, Нижегородской епархии // НЕВ. 1898. № 3. С. 94–95).

³¹ Можаровский А.Ф. Приход села Ачки Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1893. № 14. С. 359–360.

престольный) праздник по двум причинам: обращение к святой Параскеве за помощью избавило их от бедствия, и падеж скота прекратился именно в этот день³².

Обречься могли и в день, когда произошло бедствие:

Кроме этого 8 мая, также ежегодно, терюшевцами совершается еще крестный ход в поле по следующему поводу, как говорит предание. Лет 70 тому назад в день Иоанна Богослова у терюшевцев весь хлеб побило градом, и они решили с тех пор праздновать этот день и служить в поле водосвятный молебен св. Иоанну Богослову, что они и делают теперь³³.

По всей видимости, традицией почитания у русских (и других славян) св. Власия как покровителя скота³⁴ объясняется обет, данный святому жителями д. Ламакино Сергачского уезда:

В 1874 г. в деревне Ламакине открылся падеж на рогатый скот. – Ламакинцы дали обет служить ежегодно молебны по домам священномученику Власию на 2-й неделе Великого поста³⁵.

В примере из с. Покров Сергачского уезда день великомученицы Параскевы как дата установления обетного праздника был выбран из-за совпадения имени святой Параскевы и помещицы Параскевы Лавровой, давшей волю крестьянам из этого села.

³² В с. Утка Сергачского уезда ежегодный крестный ход с молебном на родник, находящийся в центре села, в память о прекращении засухи также был установлен в тот день (21 мая), когда после молебна у этого колодца пошел дождь (*Можаровский А.Ф.* Храмы села Утки Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1892. № 8. С. 277–278).

³³ *Тихов Алексей.* Приход села Большого Терюшева Нижегородского уезда (окончание) // НЕВ. 1896. № 2. С. 60.

³⁴ О почитании св. Власия как покровителя скота см.: *Толстой Н.И.* Власий (Влас) // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1: А – Г. М.: Международные отношения, 1995. С. 383–384.*

³⁵ *Можаровский А.Ф.* Приход села Покрова Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1892. № 22. С. 799.

Пространственно-временная организация обетных праздников

Обетные праздники в Нижегородском Правобережье устанавливались, как правило, сроком на один день. В наших материалах имеется единственное упоминание о трехдневном обете:

Надо три дня Илье оброк дать, потому что горели дурью деревни эти вот наши (инф. 9).

Обетный праздник, будучи связан с местной историей и преданием, объединял коллектив людей, установивший его; противопоставлял их жителям соседних деревень³⁶:

Вот когда я на торфу была (девчонкой была на торфу) ... И вот там один дядечка был вообще слепой. <...> И вот мы всё, когда на выходные, говорим: «Домой поедем, у нас праздник – Молейн». А он говорит: «Я все святцы переглядел. И Молейна – я нигде престола никакого не нашел». Ну, говорим, вот мы съездим домой, спросим, что это такое вот это самое... А приехали домой-то, спросили – нам сказали, что это: его нигде в святцах нет. Это оброшенный день. Значит, как кака-то боль ходила (инф. 12).

У нас Зарошный, только у нас! Только в Сар-Майдан. Только Сар-Майдан празднует. В Нарышкине³⁷ нет, нигде – нет. Только Сар-Майдан! (инф. 2).

Обетный праздник мог быть общим сразу для нескольких близко расположенных деревень. Так, на ежегодный молебен в д. Стечкино Сосновского района, установленный во избавление от мора скотины, сходились жители окрестных деревень.

Отметим тот факт, что в Стечкино как «эпицентре» обетного праздника лучше сохранилась память о нем, чем в соседних деревнях – на «периферии» бытования традиции³⁸. Например,

³⁶ «При этом заветный праздник, в отличие от обычного календарного представляющий собой результат определенного волевого усилия социума и имеющий свою, местную историю, служит, помимо всего прочего, для обособления установившего его коллектива, для противопоставления деревенского микрокосма окружающему миру» [Панченко 1998, с. 240].

³⁷ С. Нарышкино Вознесенского района, соседнее с Сарминским Майданом.

³⁸ Сходное явление: лучшая сохранность фольклорно-этнографического явления в центре своего бытования – «зоне древности» – и усилен-

специфическое наименование обетного праздника в Стечкино – «Молейн» – было известно жителям соседних деревень. Но там оно могло менять свой фонетический облик:

Это был в Чечкине <Стечкине> праздник-то, Молей-ти³⁹. Это чечкинский праздник был. Там праздновали Виденьё <престольный день> и вот Молей. Это я знаю 25-го числа, июля месяца вот будет Молей (инф. 13, с. Крутые).

Забывалась дата установления обетного праздника (25 июля):

Молей – это вот на святой колодезь ходют. Ну, вот думается мне, десятого ли, нет ли, августа, в августе (инф. 14, д. Шишово).

В памяти информантов оброчный день объединялся с другими церковными праздниками:

Это на Пётрѳв день, был оброчный день. Ну, нигде не работали в этот день, весь день праздновали. С иконой ходили по деревне, да (инф. 15, д. Сиуха).

На оброчный день могли переноситься характеристики других календарных праздников:

Это, наверно, не в Здвиженье, а в ... Господи, я забыла... Какой-то оброшен день. Вот у нас, говорят, в лес лучше не идти, потому что может заесть...Да, и ходили у нас туда вот, к Щарихе⁴⁰ в этот день, молиться-то туда ходили (инф. 16, д. Масленка).

Содержание обетных праздников: обетные крестные ходы и молебны

Обязательным условием установления обетного праздника был отказ от работы в этот день:

ный распад, мутация на периферии – в «зоне разрушения», рассредоточенной вокруг этого центра, уже отмечалось на нижегородском материале при анализе свадебной песни [Задоя 1994, с. 101].

³⁹ Видимо, вследствие десемантизации хрононима «Молейн» в потоке диалектной речи произошла редукция конечного «н», и термин превратился в «Молей».

⁴⁰ Скорее всего, информант имеет в виду д. Клещариху, которая находится недалеко от Стечкино.

Зарошный один день. Зарошный – его не гуляют. Его просто празднуют – люди не ходят на работу (инф. 5).

Запрет на работу строго соблюдался. В советское время это даже приводило к своеобразному «саботажу»:

Зарошный день: «Я помню, мы маленькие были: на сено-то мы ездили в Зарошной. Я помню: где-то вон там в овраг машина – тихо-тихо – все попрыгали. Машина-то приехала пустая. Всё равно было, было: все боялись этот день» (инф. 11)⁴¹.

Отказ от работы сопровождался устройством обетного крестного хода с молебном, являющегося основным элементом содержания обетных праздников.

При этом структура таких крестных ходов имела свои отличия: «Особенности в проведении молебнов зависели от характера обетного праздника, причин его возникновения: по случаю эпизоотии, засухи или градобития» [Черных 2015, с. 154].

В с. Сарминский Майдан Вознесенского района в память об избавлении от саранчи ходили с крестным ходом в поле. Крестному ходу предшествовала служба в церкви:

В зарошен-то день молебен тоды в церкви был (инф. 10).

После церковной службы процессия во главе со священником отправлялась с молебном в поле:

И вот выходили священники на поля: кропили, читали, молебен служили. И эта саранча поднялась в небо – и улетела. Вот (инф. 5).

А вот кода были Зарошны – поля святили. По полям ходили (инф. 17).

Позже, по всей видимости, после закрытия храма в селе в 1936 г.⁴² местные жители продолжили ходить с молебном в поле (вокруг села) в *зарошный день* уже без священнослужителей (в основном пожилые женщины с маленькими детьми)⁴³:

⁴¹ Сходным образом сохранялась в советское время и традиция празднования деревенскими жителями своих престольных праздников в рабочие дни, несмотря на попытки председателей колхозов этому противодействовать [Кометчиков 2015, с. 250].

⁴² Храм в честь «Святителя Николая Чудотворца» села Сар-Майдан. Официальный приходской сайт. URL: <https://sar-maidan.cerkov.ru/> (дата обращения: 27 нояб. 2023).

⁴³ Сходным образом в 1970–1980-е гг. пожилые люди, преимущественно женщины, продолжали собираться на засыпанный «святой колодец»

И они дали зарок: «Не будем работать в этот день». И как, вот я помню себя маленькая, в этот день люди не работали, а выходили на молебен. Молились, ходили вокруг села. Брала, как правило, детей маленьких. Это были старушки, бабушки, дети маленькие, потому что в это время все были уже, сенокос был в колхозе. Все на сенокосе, а они ходили вокруг села. Говорили: «вокруг гумён ходить», хотя уж никаких гумён не было (инф. 18).

Эта же информантка упомянула о домашнем молебне ночью после (или до) дневного молебна в поле:

Ходили вокруг села, а вечером, вечером, приходили молиться, ночью. Вот здесь, где мы сейчас с вами находимся, старое кладбище: под нашим домом могилы. А рядом дом вот стоит, рядом с нами синий дом стоит, – под ним была часовня, ещё я помню эти кирпичи. ...Туда приходили в двенадцать часов ночи и молились. А уж вот до зарошного или после я не знаю: то есть ночью после праздника или до праздника. Но в двенадцать часов ночи они приходили и молились почти до утра. Молебен был (инф. 18).

В с. Ново-Благовещенское Сергачского уезда также ходили с крестным ходом в поле в память о градобитии:

Во все время существования в селе Ново-Благовещенском церкви, ежегодно, в воспоминание о градобитии, 21 мая в день празднования Владимирской иконе Божией Матери, совершается торжественное Богослужение и крестный ход далеко в поле, где служитя благодарственный Господу Богу молебен с коленопреклонением⁴⁴.

В Ключищах Богородского района в память о прекращении засухи ходили святить родники (колодцы) вокруг деревни. Праздник начинался с принесения в деревню храмовой иконы из приходской церкви:

около с. Вознесенка Новосибирской области в каждую девятую пятницу после Пасхи и в день святой Параскевы (10 ноября) [Фурсова 2003, с. 131].

⁴⁴ *Можаровский А.Ф.* История образования Ново-Благовещенского прихода Сергачского уезда Нижегородской епархии // НЕВ. 1890. № 7. С. 283 (в примечании к данной цитате А.Ф. Можаровский пишет: «Основные сведения взяты в церковно-приходской Летописи села Ново-Благовещенского, составленной священником Михаилом Херсонским»).

Ходили с иконами, ходили везде. Приносили в Петров день оброшники. И приносили вот эту самую Владимирскую с Хвощёвки. Там она находилась» (инф. 19)⁴⁵.

Это было очень давно. Я была ещё маленька – вот ходили с иконой с большой. С большой иконой откуда-то приходили, не то из Оранок⁴⁶, не то из Хвощёвки, там вот церковь была, в Хвощёвке, и приходили с большой иконой, которые старухи умели петь, вот какую-то пели песню «Вещая». Ну, кто-то «Вещую», может, и знат старше меня (инф. 20).

После местные жители с этой иконой обходили с молебном родники вблизи Ключиц, а потом и саму деревню:

Двенадцатого июля – Пётр и Павел: молебен был у нас у колодца. Приносили икону с Оранок – Владимирску Богородицу. <...> Вот носили икону в Петров день. Её приносили, она большая, как вон дверь большуща! Её приносили: молились у колодцу-ти. Как крестный ход. У нас все здесь молились: ходили. И наши все молились. <...> Обходили. Три раза кругом обходили. Около каждого колодца. У нас колодцев много было. У каждого колодца. В первую очередь там – потом пошли по всей деревне. Сначала там, в роще у главного колодца. Сначала там молились: ключей там много было, колодцев. Начиналось с края туда вот поле: и много их было закрытых колодцев этих. <...> Как обручники, как обручники. Ровно Петров день у нас положено молиться, на него с иконой ходить (инф. 21).

В Стечкино Сосновского района ходили с крестным ходом на святой родник в Сурин лес, находящийся недалеко от деревни. У колодца устраивали молебен (в память о прекращении падежа скота):

И ходили, кончали везде работать, ходили к колодцу, молились... <...> Сурино называется. В нем колодец святой, там часовенка есь... Икону нашли, появилась, гряд, икона там, и там вот часовенку поставили, там иконы есть (инф. 12).

По всей видимости, хождение к этому роднику с молебном было связано с его статусом «святого колодца» из-за обнаруженной в нем иконы.

⁴⁵ Информант также сообщила, что людей, приносивших приходскую икону, было принято кормить вскладчину: «Там сложимся, кто денег, кто яиц, кто чего, их покормить».

⁴⁶ Информант имеет в виду с. Оранки Богородского района, где находится Оранский Богородицкий мужской монастырь.

Более специфичной формой обетной практики в память о прекращении падежа скота был крестный ход на выгон, где пасся скот, и окропление там стада:

Кроме обычно чтимых в приходе праздников, в деревне Дубровках почитается память мучеников Флора и Лавра (18 августа). В этот день дубровские крестьяне после литургии поднимают в деревню свою из храма иконы и хоругви, и на выгоне близ деревни служат молебен с водосвятием и окропляется скот; после чего икона относится в церковь, а причт совершает молебны по домам с крестом, Евангелием и иконою мучеников. Это празднество в Дубровках установлено в 20-х годах нын. столет. в память чудесного прекращения падежа скота по совершении молебна мученикам в этот день⁴⁷.

А.А. Панченко отмечает, что «местный праздник – это не только один из видов обета, посвятельного жертвоприношения, но и особый временной отрезок, ежегодно открывающий общине широкие возможности для контакта с сакральным миром, для обращения к тому или иному святому» [Панченко 1998, с. 241]. Поэтому во время крестного хода по деревне в добавление к основному молебну могли совершаться «дополнительные» ритуалы: икону проносили над больными и маленькими детьми; во время молебна «отпевались» новые дома, кропилась скотина:

Под неё садились, которые вон бывают люди с испугу. Садилась. И её прям, икону, несли над головами-то. Друг за дружкой люди прям сядут. Я вот тоже маненькой: тут садилась, и прям её несли икону над головами-ти... Которы были люди вот ну как напуганы или в них бес, был в которых, – они кричали!» (инф. 21).

Кому надо в дом, новые там вот строились. В дом возьмут – молебен сделают». <...> «Потом уж перед концом табун пропускали: коров-то полно было. Святой водичкой там, молебен (инф. 19).

Таким образом, мы имеем следующие формы обетного крестного хода. Могли ходить на поле, где проводился молебен

⁴⁷ *Можаровский А.Ф.* Село Черновское Сергачского уезда Нижегородской епархии (окончание) // НЕВ. 1892. № 11. С. 118. Обращение за помощью к этим святым, как мы думаем, объясняется почитанием у русских Флора и Лавра как покровителей скота (лошадей). См. об этом: *Белова О.В.* Флор и Лавр // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица).* М.: Международные отношения, 2012. С. 399.

и кропились святой водой посева. Другим вариантом было хождение с молебном на местные родники (колодцы). Наконец, крестный ход мог направляться на пастбище, на котором потом окропляли скот. После этого с крестным ходом могли идти уже по самой деревне. Эти формы являются типичными для обетных праздников. Все они широко представлены и в других традициях⁴⁸.

Типичными для обетного праздника оказываются и «разные ритуальные действия, не всегда непосредственно связанные с происхождением праздника» [Черных 2015, с. 157–158], такие как окропление скотины, пронесение иконы над больными, «отпевание» нового дома и др.

Трансформации обетных праздников

Как отмечают исследователи, многие обетные праздники во второй половине XX в. переходили в разряд престольных с характерным для них собиранием родственников и последующим за этим застольем [Васильев 2001, с. 15; Бернштам 2005, с. 278; Черных 2015, с. 164].

Такой переход зафиксирован и в наших материалах. Так, в Стечкино Сосновского района праздновать *Молейн* собирались родственники местных жителей из ближайших деревень:

А Молейн – это только приглашали гостей, приезжали в гости родственники со всех деревень. Праздновали только здесь вот в нашей деревне этот Молейн. И притом здесь праздновали, а вот Княжуха – та улица не праздновала. <...> Мужики-ть то любили выпивать, а баушка у нас вот: «Да какой это праздник, выстарить вас тут! Это какой праздник?! Это вот люди радовались. Тут это скотина падала – а вы тут вино пить в этот праздник» (инф. 3).

Интересным оказывается тот факт, что одна часть деревни отмечала свой *оброшный день* с застольем и распитием алкогольных напитков, а другая – нет. Предположим, что так происходило из-за того, что одна часть местных жителей стала воспринимать этот праздник как один из престольных, а другая все еще считала его обетным. Об обетном характере праздника, как мы видим, помнило и старшее поколение деревенских жителей, осуждающее устройство застолий с распитием спиртных напитков в этот день.

Похожим образом изменялось содержание обетного праздника и в д. Макариха Богородского района. Деревенские жители после

⁴⁸ Морозов И.А. Указ. соч. С. 315–318; см. также: [Васильев 2001, с. 24–28; Черных 2015, с. 153–161].

совершения обетных «мероприятий» (посещения церкви) устраивали гуляние. Сокращался и срок обета: не все жители соблюдали трехдневный запрет на работу:

Были жнитвы: не стали свои полосы (это дедушка рассказывал, старый был), вот, жать. Все шли в церковь. И после, как в первый день в церковь сходят, вечером уже пели песни, вино выпивали. И так на второй день: досыта, а на третий, кто поумнее, шли на полосу ещё, и то не все. Надо три дня Илье оброк дать, потому что горели дурью деревни эти вот наши. Пожаром Господь наказывал (инф. 9).

Заключение

Исходя из сказанного, мы можем констатировать существование в Нижегородском Правобережье во второй половине XIX–XX в. развитой традиции установления обетных праздников.

Обетные праздники здесь назывались *оброчными (зарошными) днями*. Эта терминология сближает изучаемую традицию установления обетных праздников с традициями центральных и южных областей России, для которых также были характерны определения «оброк» и «зарок», и одновременно отличает от заволжской традиции, где записывались другие, севернорусские по своему происхождению наименования обетных праздников – «обещанный праздник», «заповедный <праздник>». Дополнительно к этому в д. Стечкино Сосновского района имелся специальный термин для обозначения обетного праздника – Молейн.

Основные причины установления обетных праздников в исследуемой традиции были характерными и для других регионов. Отличались своеобразием лишь причины, связанные с отменной местноточимого праздника и последующим его установлением как обетного, а также случай установления обетного праздника крестьянами с. Покров Сергачского уезда по случаю освобождения их от крепостного права помещицей Параскевой Лавровой до реформы 1861 г.

Типичными для обетных праздников Нижегородского Правобережья были и формы крестных ходов с молебном как основного содержательного элемента праздника. При этом локальные отличия были связаны с причинами установления обетного праздника в каждой конкретной деревне (например, при гибели посевов от насекомых шли с молебном в поле).

В наших материалах так же, как и в исследованиях по другим регионам, отмечается переход обетных праздников в престольные во второй половине XX в.

В настоящее время обетные праздники в Нижегородском Правобережье перестали быть частью живой традиции. Сами информанты нередко отмечают в интервью, что «оброшенный день делали. И его праздновали, а топерь не празднуют». Тем не менее в памяти местных жителей обетные праздники все еще остаются частью деревенского предания о спасении их малой родины от различных бедствий.

Список информантов

- Инф. 1 – Хохлова Н.А., 1922 г. р., д. Макариха Богородского р-на (родом из д. Ключищи Богородского р-на⁴⁹). ФА ННГУ: 04-D060. Зап. Н.Б. Храмовой, 2009 г.
- Инф. 2 – Спиряева М., 1947 г. р., с. Сарминский Майдан Вознесенского р-на. ФА ННГУ: 14-D002. Зап. А.Н. Каракуловым, 2009 г.
- Инф. 3 – Цаплина С.Н., д. Стечкино Сосновского р-на. ФА ННГУ: 40-D039_1. Зап. А.Н. Каракуловым, А.В. Карачиным, 2007 г.
- Инф. 4 – Косова Н.А., 1926 г. р., д. Ключищи Богородского р-на. ФА ННГУ: 04-D052. Зап. Ю.М. Шеваренковой, 2009 г.
- Инф. 5 – Женщина, около 75 лет, с. Сарминский Майдан Вознесенского р-на. ФА ННГУ: 14-D001. Зап. А.Н. Каракуловым, 2009 г.
- Инф. 6 – Ласточкина М.Н, 1920 г. р., с. Сарминский Майдан Вознесенского р-на. ФА ННГУ: 14-D008. Зап. А.Н. Каракуловым, 2009 г.
- Инф. 7 – Болдина А.И., 1938 г. р., д. Ключищи Богородского р-на. ФА НГУ: 04-D055. Зап. А.Н. Каракуловым, 2009 г.
- Инф. 8 – Комиссарова М.С., 1942 г. р., д. Стечкино Сосновского р-на (родом из д. Андреевка Сосновского р-на). ФА ННГУ: 40-D042. Зап. А.Н. Каракуловым, А.В. Карачиным, 2007 г.
- Инф. 9 – Кольмина Н.И., 1931 г. р., д. Макариха Богородского р-на. ФА ННГУ: 04-D058_1. Зап. Ю.М. Шеваренковой, 2009 г.
- Инф. 10 – Васянина Е.С., 1929 г. р., с. Сарминский Майдан Вознесенского р-на. ФА ННГУ: 14-D006_2. Зап. А.Н. Каракуловым, 2009 г.
- Инф. 11 – Анастасия, 1949 г. р., с. Сарминский Майдан Вознесенского р-на. ФА ННГУ: 14-D007. Зап. А.Н. Каракуловым, 2009 г.
- Инф. 12 – Гурева А.И., 1926 г. р., д. Стечкино Сосновского р-на. ФА ННГУ: 40-D043. Зап. А.Н. Каракуловым, А.В. Карачиным, 2007 г.
- Инф. 13 – Сергеева В.М., 1926 г. р., с. Крутые Сосновского р-на. ФА ННГУ: 40-D005_1. Зап. А.Н. Каракуловым, А.В. Карачиным, Ю.А. Кувандыковой, М.А. Молчиной, 2007 г.

⁴⁹ Место рождения информанта указывается в том случае, если оно не совпадает с местом записи.

- Инф. 14 – Емельянова В.А., 1926 г. р., д. Шишово Сосновского р-на. ФА ННГУ: 40-D057_1. Зап. А.Н. Каракуловым, А.В. Карачиным, 2007 г.
- Инф. 15 – Бакулина Е.В., 1923 г. р., д. Сиуха Сосновского р-на. ФА ННГУ: 40-D043. Зап. Н.Б. Храмовой, 2007 г.
- Инф. 16 – Киселева В.И., 1926 г. р., д. Масленка Сосновского р-на. ФА ННГУ: 40-D046. Зап. Н.Б. Храмовой, 2007 г.
- Инф. 17 – Митянова А.А., 1937 г. р., с. Сарминский Майдан Вознесенского р-на. ФА ННГУ: 14-D004. Зап. А.Н. Каракуловым, 2009 г.
- Инф. 18 – Женщина, 1967 г. р., с. Сарминский Майдан Вознесенского р-на. ФА ННГУ: 14-D003. Зап. А.Н. Каракуловым, 2009 г.
- Инф. 19 – Косова М.И., 1930 г. р., д. Ключищи Богородского р-на. ФА ННГУ: 04-D048. Зап. Ю.М. Шеваренковой, 2009 г.
- Инф. 20 – Третьякова Г.А., 1936 г. р., д. Ключищи Богородского р-на. ФА ННГУ: 04-D054. Зап. А.Н. Каракуловым, 2009 г.
- Инф. 21 – Митряхина В.М., 1936 г. р., д. Ключищи Богородского р-на. ФА ННГУ: 04-D050. Зап. Ю.М. Шеваренковой, 2009 г.

Список сокращений

НЕВ – Нижегородские епархиальные ведомости.

ФА ННГУ – Фольклорный архив Фольклорного центра ННГУ.

ФАП – Архив фольклорно-этнографического ансамбля «Покрова».

Литература

- Адоньева 2020 – *Адоньева С.Б.* Ритуалы бедствия и заветные праздники // Ритуалы бедствия: антропологические очерки / под ред. С.Б. Адоньевой. СПб.: Пропповский центр, 2020. С. 7–45.
- Бернштам 1988 – *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988. 278 с.
- Бернштам 2005 – *Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 413 с.
- Васильев 2001 – *Васильев М.И.* Новгородская традиционная праздничная культура: Местные праздники Волотовского района. Великий Новгород: Новгородский филиал Российского фонда культуры, 2001. 129 с.
- Васильев 2004 – *Васильев М.И.* Местные праздники в системе праздничной культуры русского народа: традиции и современность // Перекресток культур: Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук: Сб. статей / сост. А.В. Антощенко и др. М.: Логос, 2004. С. 10–32.

- Галай 2001 – *Галай Ю.Г.* Историк из Нижегородской духовной семинарии А.Ф. Можаровский // Ученые записки Волго-Вятского отделения Международной Славянской академии наук, образования, искусств и культуры. Вып. 8 / отв. ред. В.М. Степанов. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. С. 69–74.
- Гальцева 2021a – *Гальцева О.В.* Местные сельские праздники в перспективе культурной памяти русского и финно-угорского населения Нижегородской области // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 1. С. 38–48.
- Гальцева 2021b – *Гальцева О.В.* Местные сельские праздники русских крестьян как система сакральной коммуникации (по материалам Нижегородской области) // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2021. Т. 21. № 4. С. 367–383.
- Задоя 1994 – *Задоя К.С.* Опыт картографирования свадебной песни // Методические указания по собиранию фольклора / ред. В.П. Аникин, К.Е. Корепова. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1994. С. 84–103.
- Кометчиков 2015 – *Кометчиков И.В.* «Заветы» социализма: трансформация религиозного праздника на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940 – начале 1960-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 2 (33). С. 238–261.
- Корепова 2009 – *Корепова К.Е.* Русские календарные обряды и праздники Нижегородского Поволжья. СПб.: Тропа Троянова, 2009. 481 с.
- Корепова 2019 – *Корепова К.Е.* Русская свадьба в Нижегородском Поволжье. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2019. 663 с.
- Кремлева 1994 – *Кремлева И.А.* Обеты в народной жизни // Живая старина. 1994. № 3. С. 15–17.
- Кремлева 2001 – *Кремлева И.А.* Мирской обет // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: итоги этнографических исследований / отв. ред. Т.А. Листова. М.: Наука, 2001. С. 229–250.
- Кремлева 2010 – *Кремлева И.А.* Место обета в мировоззрении и повседневной жизни русского народа // Святые и святость в жизни русского народа: этнографическое исследование / отв. ред. и сост. О.В. Кириченко. М.: Наука, 2010. С. 241–284.
- Кремлева 2011 – *Кремлева И.А.* Церковные праздники: место обетных праздников в русле народной культуры // Церковные праздники русского народа: от прошлого к настоящему: Сб. статей и очерков / отв. ред. О.В. Кириченко. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2011. С. 122–161.
- Панченко 1998 – *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия: Деревенские святые Северо-Запада России. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
- Полищук 1999 – *Полищук Н.С.* Местные праздники // Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 1999. С. 602–615.

- Тулъцева 2001 – *Тулъцева Л.А.* Престольный праздник в картине мира (мироколище) православного крестьянина // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв.: итоги этнографических исследований / отв. ред. Т.А. Листова. М.: Наука, 2001. С. 124–167.
- Фурсова 2003 – *Фурсова Е.Ф.* Календарные праздники восточнославянского населения Западной Сибири как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – первая треть XX в.). Ч. 2. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 268 с.
- Черных 2015 – *Черных А.В.* Русский народный календарь в Прикамье: праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. 4: Местные праздники. СПб.: Маматов, 2015. 256 с.

References

- Adon'eva, S.B. (2020), "Rituals of disaster and cherished holidays", in Adon'eva, S.B., ed., *Ritually bedstviya: antropologicheskie ocherki* [Rituals of disaster: anthropological essays], Proppovskii tsentr, Saint Petersburg, Russia, pp. 7–45.
- Bernshtam, T.A. (1988), *Molodezh' v obryadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX – nachala XX v.: polovozrastnoi aspekt traditsionnoi kul'tury* [Youth in the ritual life of the Russian community 19th – beginning 20th century: the gender and age aspect of traditional culture], Nauka, Leningrad, USSR.
- Bernshtam, T.A. (2005), *Prikhodskaya zhizn' russkoi derevni: ocherki po tserkovnoi etnografii* [Parishlife of the Russian village: essays on Church ethnography], Peterburgskoe vostokovedenie, Saint Petersburg, Russia.
- Chernykh, A.V. (2015), *Russkii narodnyi kalendar' v Prikam'e: prazdniki i obryady kontsa XIX – serediny XX veka. Ch. 4: Mestnye prazdniki* [Russian folk calendar in the Kama region: holidays and rituals of the late 19th – mid. 20th century, part 4: Local holidays], Mamatov, Saint Petersburg, Russia.
- Fursova, E.F. (2003), *Kalendarnye prazdniki vostochnoslavianskogo naseleniya Zapadnoi Sibiri kak rezul'tat mezhetnicheskogo vzaimodeistviya (konets XIX – pervaya tret' XX v.)*. [Calendar holidays of the East Slavic population of Western Siberians a result of interethnic interaction (late 19th – first third of 20th century)], part 2, Izdatel'stvo Instituta arkheologii i etnografii SO RAN, Novosibirsk, Russia.
- Galai, Yu.G. (2001), "Historian from the Nizhny Novgorod Theological Seminary A.F. Mozharovsky", in Stepanov, V.M., ed., *Uchenye zapiski Volgo-Vyatskogo otdeleniya Mezhdunarodnoi Slavyanskoi akademii nauk, obrazovaniya, iskusstv i kul'tury* [Scientific notes of the Volga-Vyatka Branch of the International Slavic Academy of Sciences, Education, Arts and Culture], iss. 8, Izdatel'stvo NNGU, Nizhny Novgorod, Russia, pp. 69–74.

- Gal'tseva, O.V. (2021), "Local rural holidays in the perspective of cultural memory of the Russian and Finno-Ugric population of the Nizhny Novgorod region", *Finno-ugorskii mir*, vol. 13, no. 1, pp. 38–48.
- Gal'tseva, O.V. (2021), "Local rural holidays of Russian peasants as a system of sacred communication (based on the materials of the Nizhny Novgorod region)", *Russian Journal of Humanities*, vol. 21, no. 4, pp. 367–383.
- Kometchikov, I.V. (2015), "The 'vows' of socialism: A transformation of religious holidays in rural Nechernozemye in the mid-1940s – early 1960s", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 33, no. 2, pp. 238–261.
- Korepova, K.E. (2009), *Russkie kalendarnye obryady i prazdniki Nizhegorodskogo Povolzh'ya* [Russian calendar rituals and holidays of the Nizhny Novgorod Volga region], Tropa Troyanova, Saint Petersburg, Russia.
- Korepova, K.E. (2019), *Russkaya svad'ba v Nizhegorodskom Povolzh'e* [Russian wedding in Nizhny Novgorod Volga region], Izdatel'stvo NNGU, Nizhny Novgorod, Russia.
- Kremleva, I.A. (1994), *Obety v narodnoi zhizni* [Vows in people's life], *Zhivaya starina*, no. 3, pp. 15–17.
- Kremleva, I.A. (2001), "A worldly vow", in Listova, T.A., ed., *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX–XX vekov: itogi etnograficheskikh issledovaniy* [The Orthodox life of Russian peasants of the 19th – 20th centuries: the results of ethnographic research], Nauka, Moscow, Russia, pp. 229–250.
- Kremleva, I.A. (2010), "The place of the vow in the worldview and daily life of the Russian people", in Kirichenko, O.V., ed., *Svyatyni i svyatost' v zhizni russkogo naroda: etnograficheskoe issledovanie* [Shrines and sanctity in the life of the Russian people: an ethnographic study], Nauka, Moscow, Russia, pp. 241–284.
- Kremleva, I.A. (2011), "Church holidays: the place of votive holidays in the mainstream of folk culture", in Kirichenko, O.V., ed., *Tserkovnye prazdniki russkogo naroda: ot proshlogo k nastoyashchemu: Sbornik statei i ocherkov* [Church holidays of the Russian people: from the past to the present. Collected articles and essays], Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN, Moscow, Russia, pp. 122–161.
- Panchenko, A.A. (1998), *Issledovaniya v oblasti narodnogo pravoslaviya: Derevenskie svyatyni Severo-Zapada Rossii* [Research in the field of folk Orthodoxy. Village shrines of the North-West of Russia], Aleteya, Saint Petersburg, Russia.
- Polishchuk, N.S. (1999), "Local holidays", in Aleksandrov, V.A., Vlasova, I.V. and Polishchuk, N.S., eds., *Russkie* [Russians], Nauka, Moscow, Russia, pp. 602–615.
- Tul'tseva, L.A. (2001), "The patronal feast in the picture of the world (mirocolice) of an Orthodox peasant", in Listova, T.A., ed., *Pravoslavnaya zhizn' russkikh krest'yan XIX – XX vekov: itogi etnograficheskikh issledovaniy* [The Orthodox life of Russian peasants of the 19th – 20th

- centuries: the results of ethnographic research], Nauka, Moscow, Russia, pp. 124–167.
- Vasil'ev, M.I. (2001), *Novgorodskaya traditsionnaya prazdnichnaya kul'tura: Mestnye prazdniki Volotovskogo raiona* [Novgorod traditional festive culture: Local holidays of the Volotovskiy district], Novgorodskii filial Rossiiskogo fonda kul'tury, Velikiy Novgorod, Russia.
- Vasil'ev, M.I. (2004), “Local holidays in the system of festive culture of the Russian people: traditions and modernity”, in Antoshchenko, A.V. et al., comps., *Perekrestok kul'tur: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v oblasti gumanitarnykh nauk: Sbornik statei* [The crossroads of cultures: Interdisciplinary research in the Humanities. Collected articles], Logos, Moscow, Russia, pp. 10–32.
- Zadoya, K.S. (1994), “Wedding song mapping experience”, in Anikin, V.P. and Korepova, K.E., eds., *Metodicheskie ukazaniya po sobiraniyu fol'klora* [Methodological guidelines for collecting folklore], Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo fol'klora, Moscow, Russia, pp. 84–103.

Информация об авторе

Антон Н. Каракулов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; Anton-1088@mail.ru

ORCID ID: 0009-0000-7686-0777

Information about the author

Anton N. Karakulov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bldg. 6, bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; Anton-1088@mail.ru

ORCID ID: 0009-0000-7686-0777